

Отзыв

официального оппонента доктора филологических наук Д. М. Буланина о диссертации Шибаева Михаила Алексеевича «Историко-кодикологическое исследование рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в.», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Сведения, которыми мы располагаем относительно русской истории допетровских столетий, за редкими исключениями все почти черпаются из письменных источников. Причем, чем дальше мы углубляемся в древность, тем большим оказывается информационная незаменимость этих источников по причине отсутствия каких-либо иных. Между тем, специфика книжной культуры Древней Руси заключается в том, что она была по преимуществу монастырской культурой. С другой стороны, парадоксальным образом, мы не располагаем достоверными сведениями о существовании на территории Руси, в первые четыре столетия после ее крещения, сколько-нибудь значительных объединений иноков (Киево-Печерский монастырь проходит по отдельной статье). Есть основания думать, что таковых и не было, что монастырская культура была у нас на первых порах растворена в миру, а начальные робкие попытки институционализации коллективов черного духовенства связаны с монашеским возрождением XIV в., начавшимся на Балканах, но докатившимся до нас не ранее эпохи Сергия Радонежского и его учеников. Зато потом, в течение нескольких десятилетий, монастыри с поразительной быстротой выросли по всей территории Северо-Восточной и Северной Руси. Одновременно с монастырями складывались и монастырские библиотеки: таково объяснение, почему объем циркулировавшей у восточных славян книжной продукции взрывообразно увеличивается с началом XV в. Однако на пути к изучению монастырской книжной культуры XV в. возникает объективная трудность: распыление с течением времени библиотек большинства тогдашних монастырей, а часто и гибель их книжной казны. Достаточно репрезентативными для этого столетия можно признать только два книжных собрания, уцелевших до нашего времени с относительно небольшими потерями – Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. Этим обстоятельством определяется выбор объекта для диссертационного исследования М. А. Шибаева, посвященного рукописям Кирилло-Белозерского монастыря XV в. Выбор, как ясно из сказанного, чрезвычайно удачный.

Каковы были книжные фонды двух названных монастырей? По расчетам автора диссертации, опирающегося на сообщение Ефросина Белозерского, во второй половине XV в. в Троицком монастыре было примерно триста, а в Кирилловом - примерно двести пятьдесят рукописных книг (с. 37-38). Важно однако подчеркнуть, что предметом исследования в диссертации является никак не состав библиотеки и номенклатура произведений, включенных в библиотечные книги. Это была бы важная, но вполне традиционная книговедческая работа. Соискатель же предлагает совершенно новаторский подход к материалу, который можно условно назвать «антропологией монастырской книжной культуры». Дело в том, что кирилловская, как и другие монастырские библиотеки, комплектовалась разными путями – какие-то книги покупались на стороне готовыми или заказывались для изготовления в соседних обителях, какие-то поступали в виде вкладов от богомольцев из разных концов Русской земли. Но основной массив все-таки изготавливался в стенах монастыря силами братии (хотя монастырские писцы, случалось, в свою очередь, работали по чужим заказам), и один только этот раздел монастырской библиотеки интересует автора диссертации (ср. с. 427-428). Более того, автор по возможности отвлекается от содержания книг – то, на чем было сосредоточено внимание его предшественников (с. 17, 31), - он рассматривает книгу как материальный предмет, т. е. представляет ее как некую вещь, наделенную определенной совокупностью кодикологических признаков. Однако таким, с позволения сказать, анатомическим разрезом каждой отдельно взятой книги дело не ограничивается. Материальный предмет не изолируется от людей как субъектов истории, поскольку книги соотносятся с деятельностью монастырских писцов и книжников, с ясно выраженным индивидуальным стилем письма каждого, пускай они сплошь и рядом не известны даже по имени. В итоге нам предлагается история книжного дела за первый век существования

Кириллова монастыря, не разделяющая человека и плоды его творчества, то именно, что я назвал «антропологией монастырской книжной культуры».

Сам по себе скрупулезный кодикологический анализ какого-то манускрипта или даже группы манускриптов не является открытием, новаторство диссертанта заключается в системном подходе – в том, что он подверг комплексному анализу исторически сложившееся собрание книг, труды нескольких поколений книжников, подвизавшихся в Кирилло-Белозерском монастыре. В этом смысле исследование Шибаева является беспрецедентным (по крайней мере, применительно к XV в.), а выводы автора имеют самое широкое значение, существенно расширяя наши знания о книжной культуре целой эпохи, а в некоторых аспектах и о древнерусской книжной культуре как таковой. С отдельными умозаключениями диссертанта позволительно не соглашаться, но игнорировать их уже не получится. Чтобы оценить масштабы проделанной работы, следует добавить, что она полностью базируется на рукописном материале, поскольку собрание рукописей Кириллова монастыря (ядро древней библиотеки), хранящееся в Российской национальной библиотеке, остается неопианным, отсутствует описание и большинства кирилловских рукописей, оказавшихся в других собраниях. К тому же, стандартные описания, сводящие до минимума внешнюю характеристику кодекса, мало помогают в решении задач, поставленных перед собой соискателем.

Композиция диссертационного исследования Шибаева представляется разумной и соответствующей целям, которые преследует автор. Открывается работа традиционным историографическим обзором (гл. 1), достаточно кратким, поскольку, за единичными исключениями, предшественники диссертанта привлекали кирилловские рукописи для решения частных вопросов. К учтенным здесь трудам стоило бы, пожалуй, добавить для полноты библиографии изданную в двух томах в Лилле (1995 г.) диссертацию М. Тукас-Буто (M. Toucas-Bouteau), посвященную разным аспектам истории Кирилло-Белозерского монастыря XIV-XVI вв., в том числе монастырской книжности. Очень важна для правильного понимания дальнейшего изложения гл. 2, описывающая разработанную автором оптимальную методику кодикологической характеристики рукописей. Наиболее значимыми составляющими этой характеристики признаются сведения о «писцовых манерах» (термин, на котором настаивает автор, позволяющий учитывать то, что один писец мог использовать несколько вариантов почерка) и о филигранях на использованной в рукописях бумаге. По материалам кирилловских рукописей составлен был банк данных, учитывающий все встречающиеся в этих рукописях «писцовые манеры», а также банк данных с рисунками филиграней, для максимально точной фиксации которых конструирована специальная установка, копирующая рисунок в инфракрасном диапазоне. Собранные данные позволили исследователю привлечь к изучению, в числе прочих, кодексы, в которых нет никаких дополнительных указаний на их происхождение из Кириллова монастыря. Гл. 3 посвящена уникальному для XV в. документу – трем описям монастырской библиотеки, читающимся в сборнике кирилловского инока Германа Подольного. Первая опись – инвентарная, она учитывает 212 единиц, в ней указывается только название и формат рукописи, иногда еще имя ее прежнего владельца. Две другие описи – «черняк» и беловик - заведомо неполные, не доведены до конца, зато в них сделана попытка раскрыть содержание сборников: «черняк» охватывает 40 единиц, из них в беловик перешло только 22 единицы, но в последнем прибавилось описание еще двух книг, пропущенных в «черняке». Описи издал Н. К. Никольский. Полемизируя со своим предшественником, Шибаев убедительно доказывает, что на деле «черняк» не мог служить единственным источником для составителя беловика. Датируя описи 1480-ми гг., ученый предполагает, что составление их могло быть связано с переходом монастыря под юрисдикцию московского князя (1486 г.) и назначением тогда же нового игумена Венедикта. Описи служат важным подспорьем для реконструкции монастырской библиотеки, в том числе для опознания книг, изготовленных монастырскими писцами, трудам которых и посвящена диссертация. Ее автору, вслед за Никольским, удалось

разыскать в современных хранилищах около трети рукописей, отразившихся в описях XV в. Следующие три главы (гл. 3-5), идущие одна за другой в порядке хронологии разбираемого материала, являются центральными в обсуждаемой работе: именно в них представлено подробнейшее кодикологическое описание всех идентифицированных ученым рукописных книг, созданных (в основном) в стенах монастыря, а гланое - силами монастырских книжников. Описания сопровождаются оригинальными схемами, наглядно показывающими анатомическое строение каждого кодекса с учетом всех его атрибутов. В гл. 3 речь идет о книжниках и рукописях времен основателя монастыря святого Кирилла Белозерского, в гл. 4 – о книжниках и рукописях 1430-1450-х гг., в гл. 5 – о книжниках и рукописях последней трети XV в.; особенное внимание, разумеется, обращено на книжное наследие знаменитого Ефросина Белозерского. В заключении, опираясь на полученные в ходе работы результаты, автор сравнивает организацию книжного дела в Кирилло-Белозерском монастыре XV в. с устройством скрипториев в западноевропейских монастырях и приходит к выводу, что, применительно к нашей белозерской обители, нельзя говорить о «полноценном» скриптории. Ученый предлагает взамен термин «книгописный центр» как в большей мере отвечающий неупорядоченному и дискретному – от случая к случаю - процессу составления книг, какой имел место в Кирилловом монастыре.

Как было сказано, диссертация, будучи посвящена конкретному материалу, одновременно затрагивает некоторые общие вопросы, касающиеся развития древнерусских книжных центров и древнерусской книжности в целом. Если говорить об истории Кирилло-Белозерского монастыря, то Шибаев, резюмируя свои наблюдения над старшими кирилловскими рукописями, но также принимая во внимание размышления коллег (М. С. Серебряковой) и историческую обстановку в целом, заключает, что обитель была основана не в 1397 г., как считалось прежде, а по меньшей мере на десять лет позже. С аргументацией соискателя трудно не согласиться. Важно при этом, что, передатировав основание монастыря, ученый дезавуирует сообщение Пахомия Логофета в Житии Кирилла, по которому и вычислялась принятая раньше дата. Данный пример хорошо демонстрирует ненадежность агиографических текстов как исторического источника, а это имеет к истории книжного дела в Кирилловом монастыре XV в. самое прямое отношение. Ведь сведения об одном из самых известных кирилловских книжников следующего, после преподобного, поколения – об Олешке Павлове (Палкине) черпаются из еще более позднего агиографического памятника – написанного в XVI в. Жития Мартина Белозерского. Из этого последнего произведения извлекают не только весьма сомнительные сведения о том, что Олешко обучал юношество грамоте на регулярной основе (явная экстраполяция на древность реалий XVI в.). Американский славист Р. Романчук развил, полагаясь все на то же сообщение Жития Мартина, вполне фантастическую теорию о том, будто в школе Олешки практиковалось обучение постриженников монастыря наукам тривиума (ср. на с. 427 о несостоятельности этой концепции).

Главный вклад Шибаева в изучение судеб русской книжности заключается в том, на мой взгляд, что его кодикологические штудии релятивизируют само представление о кодексе как минимальной учетной единице при описании книжной культуры. Остается вопрос лишь о том, локальный или универсальный характер носит эта релятивизация. Собранные диссертантом материалы с непреклонностью демонстрируют, что добрая половина анатомированных рукописей XV в. состоит не из единого гомогенного блока, из последовательно переписанных, уложенных по порядку текста и пронумерованных тетрадей, а из нескольких гетерогенных частей. Соответственно, в дополнение к «писцовым манерам» и бумаге, очень важным элементом кодикологической характеристики манускрипта оказываются тетради и их комплексы, иногда с маркирующими их сигнатурами. Для описания кирилловских рукописей особое значение приобретает понятие конволюта. Притом, граница между конволютом и неконволютом весьма условна: являются ли, например, две части рукописи, стыкующиеся по тексту, но с самостоятельным счетом сигнатур, аллигатами

конволюта, или органическими половинами неделимого целого? По заключению исследователя, кирилловские книги приобрели современный вид, т. е. окончательно укрепились под своим переплетом, в 1520-1530-е гг. (с. 33). Однако неясным остается, сколько раз мигрировали из одной книги в другую тетради - составляющие этих книг, с момента своего появления на свет. Мобильность отдельных тетрадей или набора тетрадей, образующих одну серию и часто пронумерованных, прослеживается на протяжении всего XV в. К примеру, в составе сборников Ефросина, составленных во второй половине столетия, Шибаев нашел тетради и даже целые разделы, переписанные еще при жизни Кирилла Белозерского (с. 336). Есть намеки на то, что практика перераспределять тетради, расшивая более древние кодексы и складывая извлеченные оттуда фрагменты в новом порядке, не прекратилась даже в XVI в. Намеки эти содержатся в так называемых «ветшанных» минеях, то есть в комплекте миней четых (из комплекта сохранилось шесть книг, седьмая содержит тексты, не распределенные по числам), статьи в которых следуют в порядке календаря, но представляют собой куски, изъятые из более ранних рукописей. Поскольку в «ветшанных» минеях встречается бумага, датированная 1520-ми гг., соискатель считает, что именно тогда была выполнена работа по переконпоновке составных частей разных рукописей, в результате которой некоторые сборники-доноры полностью растворились в своих потомках (с. 50).

Итак, прежде чем найти свое постоянное место в определенном кодексе, многие разделы кирилловских рукописей довольно долго блуждали из одной книги в другую. Замечательное открытие Шибаева, показавшего, что на каком-то этапе развития книги составляющие ее тетради обладали некоторыми признаками автономии, порождает целый каскад вопросов. В частности, хотелось бы понять, имеем ли мы дело с локальным явлением, или это была тогда общерусская практика? Параллель, которую уместно здесь привести, - известный сборник Троице-Сергиева монастыря, № 758, откуда аналогичным образом были изъятые фрагменты, отыскавшиеся в составе других кодексов. Сходные примеры, современные анализируемым кирилловским рукописям (если такие примеры существуют), предстоит еще отыскать. В чем причина эмансипации тетрадей? Первое приходящее в голову объяснение - возможный дефицит квалифицированных писцов или дефицит бумаги, побуждавший разрушать уже переписанные кодексы вместо того, чтобы снять копию с соответствующей его части, - такое объяснение не представляется мне убедительным. Потому что никаких сообщений о существовании подобного дефицита неизвестно. Вместе с тем, стоит обратить внимание, что все манипуляции с тетрадями относятся к эпохе, на которую пришелся переход к новому писчому материалу - от пергамента к бумаге. Поскольку в средние века книга имела не только практическое, но и символическое значение, переход этот не мог не отразиться на связанных с книгой ритуалах и запретах. Бумага - менее прочный материал, нежели кожа, а потому центристические силы в бумажном кодексе, составленном из этого материала, могли обладать и меньшей символической значимостью. Кирилловская библиотека, отразившаяся в описях 1480-х гг., частично представляла собой склад тетрадей, соединенных в блоки, а многократная перетасовка этих блоков и их составляющих могла быть вызвана никогда не прекращавшимися в истории средневековой книги поисками оптимальной структуры сборников (календарный, тематический и др. принципы организации материала). Как бы то ни было, описанный в диссертации феномен побуждает к дальнейшим размышлениям.

Переходя, по должности официального оппонента, к критической части моего отзыва, спешу заметить, что в следующих далее соображениях не подвергаются сомнению выводы автора, речь пойдет только лишь о совершенствовании и углублении системы предложенных им доказательств. Как было указано прежде, наиболее значимыми компонентами кодикологического описания рукописи Шибаев признает бумагу и «писцовую манеру». В выделении, сопоставлении и идентификации «писцовых манер» исследователь опирается на авторитетные труды своих предшественников. Практика отождествления полууставных почерков, используемых в древнерусских рукописях, получила довольно широкое

распространение, начиная с 1970-х гг. (Н. В. Сеницына, Б. М. Клосс и др.). Одновременно разработки в этом направлении велись тогда на материале греческих минускульных рукописей (Б. Л. Фонкич). Признавая существенные успехи, достигнутые специалистами в этой области, считаю все-таки нужным отметить, что «почерковедение», особенно в отношении часто стандартизированного полуустава, не обзавелось до сих пор необходимой для всякой научной отрасли теоретической базой с общепринятым терминологическим аппаратом, описанием используемых при отождествлении методов и оценкой достигаемого в разных встречающихся случаях уровня точности. Между тем, у всякого непредвзятого читателя возникает масса закономерных вопросов. Например: каков необходимый и достаточный набор совпадающих начертаний букв, позволяющий говорить о тождестве двух «писцовых манер»? какова степень колебаний в начертании отдельных букв, допустимая в пределах одной «писцовой манеры»? каков объем текста, обеспечивающий того, кто отождествляет почерка, достаточным материалом для однозначного умозаключения? Последний вопрос неизбежно встает в связи с тем, что довольно часто определенному писцу уверенно усваивается почерк, которым выведены краткие глоссы («зри» и др.) или даже отдельные буквы. Так обстояло дело с атрибуцией мельчайших элементов текста руке Максима Грека (Н. В. Сеницына), такой же случай мы встречаем, когда руке Ефросина приписывается нумерация страниц в рукописи (О. Л. Новикова), причем Шибаев не подвергает сомнению данный вывод (с. 365). В итоге тождество или несовпадение двух сравниваемых «писцовых манер» - это факт, которому читатель волен в каждом конкретном случае верить или не верить. Причем недоверие естественно растет в связи с присущей некоторым специалистам по почеркам категоричностью выводов, будто их смущает необходимость пометить сомнительные сопоставления знаком вопроса. Несовершенство методологической базы отчетливо проявляется, когда мнения исследователей по поводу принадлежности почерка одному или другому писцу расходятся. Мы видим это на примере спора между автором диссертации, который признает некоторые тексты переписанными Ефросином в «ранней» манере, и С. Н. Кистеревым, который атрибутирует почерк соответствующих листов игумену Игнатию (с. 342-353). Доводы той и другой стороны нельзя признать неопровержимыми, и правильным решением, наверное, было бы изменение самой модальности в конечном выводе, т. е. включение в него элемента неопределенности. Подводя черту под своими сомнениями, могу лишь пожелать, чтобы автор диссертации, лучший знаток средневековых почерков, составил когда-нибудь теоретическое пособие по этому важному разделу палеографии.

Не вполне обоснованными видятся мне помещенные в заключение размышления диссертанта о книгописцах Кирилло-Белозерском монастыря и об их трудах, умаляющие их культурное значение в сравнении с продуктами «полноценного» монастырского скриптория на католическом Западе. Полагаю, что мнение о «книгописном центре» как о «недоразвитом» («неполноценном» в терминологии диссертации) скриптории является отзвуком европоцентристского подхода к русской средневековой культуре вообще и к ее книжному наследию, в частности. Разберемся, в чем здесь дело. Организация католических (особенно орденских) и православных византийских монастырей, в том числе действующих там скрипториев, строилась с учетом привычных для наследников римской культуры юридических процедур, которые сохраняли свое значение и в развитии канонического права. Каждый монастырь имел свой устав - основной документ, регламентирующий совместную жизнь иноков. Что касается Древней Руси домосковского периода, то византийское каноническое право не находило тут себе применения, по меньшей мере, до XVI в., отсутствовали и разработанные дисциплинарные уставы в новоучрежденных монастырях XIV-XV вв., в том числе в Кирилло-Белозерском. Кроме того, регулярная работа монастырских скрипториев Запада и Востока обеспечивалась континуитетом ориентированного на античные образцы школьного образования. Учтем, что на Руси, вплоть до XVI в., не существовало даже школ элементарной грамотности. Наконец, у наследников Римской империи функционирование монастырей, как и любых других учреждений,

сопровождалось интенсивнейшим письменным делопроизводством. Объем актового материала в некоторых западных монастырях сопоставим с архивами городских муниципальных служб. Напротив, в Древней Руси в первые века христианства вообще отсутствовала деловая письменность: нуждавшиеся в протоколировании договоренности достигались и утверждались в устной форме. За единичными исключениями в эту древнейшую эпоху устными распоряжениями регламентировалась и жизнь церковных учреждений. Думается, что и в XV в., в эпоху, которой датируются источники диссертации Шибаева, такие патриархальные обычаи не могли еще отмереть. Из сказанного никак не следует, что христианская культура Древней Руси, в том числе ее книжность и письменность в целом, в том числе монастырское книгописание, были «неполноценными». Достаточно сказать, что они были другими, поскольку насельники Кириллова монастыря едва ли выдержали бы казарменную дисциплину какого-нибудь католического ордена, обеспечивавшую работу «полноценного» скриптория. Темпы и конечный результат их работы соответствовали тем представлениям о необходимых монастырю книгах, которые сформировались за предыдущие века восточнославянского книгописания. В работе монастырских книжников, как и в иных аспектах русского православия, оно предстает менее формализованной конфессией, нежели в других частях христианского мира.

Мои расхождения с соискателем в некоторых общих положениях никоим образом не подрывают значимость фундаментальных выводов автора, чья работа является новым словом в историко-филологической науке. Добавлю, что диссертация написана простым и ясным языком. Укажу лишь несколько шероховатостей, которые мне бросились в глаза: библиотека не может «охватывать» XV в. или какой-либо другой (с. 4); многие из рукописей, учтенных в древней описи, хотя и не «атрибутированы», но, во всяком случае, «идентифицированы» (с. 91); благодаря трудам соискателя, некоторые кирилловские кодексы не «канули в Лету» - в реку забвения (с. 94), хотя они и не сохранились до нашего времени; «одинокое проживание» (с. 106) – явный канцеляризм; акт не может «фиксировать» физический предмет (с. 108); глагол «корректируется» использован в значении «соотносится» (с. 168); любая «официальная должность» не может быть соотнесена с «пределами» исследования (с. 426).

Подводя итоги, заключаю, что диссертационное исследование М. А. Шибаева полностью соответствующего нормам, установленным для квалификационных работ подобного рода. Публикации соискателя, в том числе в ведущих и рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК, с должной полнотой освещают содержание разбираемого сочинения. Автореферат диссертации в лаконичной, но ясной форме отражает основные положения, вынесенные на защиту. Диссертация М. А. Шибаева удовлетворяет требованиям, перечисленным в пункте 9 «Положения о присуждении ученых степеней» согласно постановлению Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013. Она заслуживает самой высокой оценки, а ее автор безусловно достоин присвоения ему искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент
 Буланин Дмитрий Михайлович
 доктор филологических наук,
 главный научный сотрудник
 Отдела древнерусской литературы
 Федерального государственного бюджетного
 учреждения науки «Институт русской
 литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук»

Контактная информация:

Буланин Дмитрий Михайлович
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, дом 4
ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук»
e-mail: irliran@mail.ru
тел.: (812) 328-19-01.

Домашний адрес: 194214, Санкт-Петербург,
Удельный пр., д. 27, кв. 33, тел.: 5540114

Список научных трудов за 2013-2017 гг. Буланина Дмитрия Михайловича, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Отдела древнерусской литературы ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук» по тематике диссертации М. А. Шибаева

1) Древнерусский образ Афона и Житие Михаила Малеина // Русская литература. 2013. № 2. С. 43-63.

2) Из легенд старого Афона: Лионская уния и Святая Гора // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 1. С. 32-44.

3) Текстологические и библиографические арабески (I. Из истории текста славянского «Энхиридиона»; II. Еще раз о выдержках из сочинений Григория Богослова в Изборнике 1073 г.; III. К спорам о славянском переводе «историй» псевдо-Нонна; IV. Опыт реконструкции главы 3-й Изборника 1076 г.; V. «Андрианты» в старшем славянском переводе; VI. Три малоизученных поучения о пьянстве; VII. «Наставление» Агапита: Несколько эпизодов из истории славянской рецепции; VIII. «Римская епистолия»; IX. Послание брату-столпнику; X. О первоисточниках некоторых стихов покаянных) // Каталог памятников древнерусской письменности XI-XIV вв.: (Рукописные книги). СПб., 20. С. 433-595.

4) Текстология древнерусской литературы: Ретроспективные заметки по методологии // Русская литература. 2014. № 1. С. 18-51.

5) А. С. Орлов и его лекции по древней русской литературе // Орлов А. С. Древняя русская литература XI-XVII веков. СПб., 2014. С. 409-418.

6) Итальянский рейд XIII века на Святую гору?: Славянские отголоски мифа // Россия – Запад – Восток: Литературные и культурные связи. Вып. 2: Образы Италии в России – Петербурге – Пушкинском Доме. СПб., 2014. С. 13-20.

7) Старейшие памятники исторического повествования в Древней Руси: Летописи, хроники, хронографы // Русская литература. 2016. № 2. С. 231-240.

8) В поисках старшей разновидности дохиарской легенды // Афон и славянский мир. Сб. 3: Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Киев, 21-23 мая 2015 г. Святая гора Афон. 2016. С. 281-290.

9) Ефросиновская версия Чуда о спасенном отроке в Дохиарском монастыре // Русская литература. 2016. № 3. С. 120-135.

10) Утраченный рукописный источник Русского Хронографа: (Опыт реконструкции состава) // Rossica Antiqua: Исследования и материалы. 2016. № 1-2 (13). С. 99-136.

11) «Кормчая книга» и «Книга Кормчий»: (Семантика названий двух древнерусских книг) // Русская литература. 2017. № 2. С. 5-18.

12) Древнерусский учительный сборник XIV в. Berlin, Hamilton 381 и его бывший владелец Александр, 10-й герцог Гамильтон. Часть первая // Rossica Antiqua: Исследования и материалы. 2017. № 1 (14). С. 23-75.

13) Лицевые Апокалипсисы Библиотеки Российской Академии наук // Русская литература. 2017. № 4. С. 239-245.

14)Ὁ Ἅγιος Μάξιμος Γραικός: Ἡellen λογίος καὶ Ῥώσος συγγραφεὺς // Ἡάρπαντα ἁγίου Μάξιμου Γραικού. Ἡαγίου Μάξιμου Γραικού λόγοι. Τ. 4. Ἡαγίου Ὄρους, 2017. Σ. 17-43 (ἡα γρη. ἡζ.).

15)Μάξιμος Γρηκ: Γρηκεσκή πρησετή ἡρη μωσκόβρη κρηζνήκ? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 2 (22). Σ. 85-98.